

Белка в колесе

Сверхвысокая мобильность рабочей силы - показатель степени участия россиян в неформальной экономике

Владимир Попов (профессор Высшей школы международного бизнеса Академии народного хозяйства, доктор экономических наук.)

Как это ни странно на первый взгляд, рабочая сила в России исключительно мобильна. В 1993-1996 годах ее оборот (наймы плюс увольнения) составлял более 45% от среднесписочной численности. Это гораздо больше, чем в советские времена, когда текучесть кадров (увольнения по нежелательным причинам) составляла 14%, и заметно больше, чем в странах Восточной и Западной Европы. Например, в Польше в период "шоковой терапии" аналогичный показатель составлял 42%, в Болгарии и Венгрии - 32% и 22% соответственно.

Парадокс заключается в том, что процесс реструктуризации производства в России идет гораздо медленнее, чем в европейских странах с переходной экономикой и менее гибкими рынками труда. При более внимательном анализе обнаруживаются различия между движением рабочей силы, измеряемым суммой количества нанятых и уволенных работников, и оборотом рабочих мест - суммой создаваемых и ликвидируемых рабочих мест. Мобильность рабочей силы в России действительно очень высока по международным стандартам, однако оборот рабочих мест по отношению к числу занятых остается довольно скромным, в частности, меньше, чем в Польше в первые годы реформ (1990-1991 гг.). Высокая мобильность, таким образом, в значительной степени является бегом на месте - увольнение и найм сотрудников не приводят к изменению общего количества рабочих мест. Доля такого холостого оборота в общей мобильности рабочей силы, согласно оценкам **Ростислава Капелюшникова** (см. сборник "Российский экономический барометр", N1, 1997 г.), составляет у нас 70% против 55% в Польше в 1990-1991 гг. и еще более низких значений в западных странах, особенно в США.

Почему основная часть оборота рабочей силы не связана с созданием либо ликвидацией рабочих мест, то есть с реальной структурной перестройкой? Феномену высокой мобильности без видимых результатов можно попытаться дать несколько объяснений (их обсуждению посвящена недавняя англоязычная монография "Структурная реформа без массовой безработицы? Уроки России" под редакцией Саймона Кларка).

Авторы первой гипотезы, экономисты Мирового банка, склонны возлагать вину на мягкость бюджетных ограничений и инсайдерский контроль на большинстве российских предприятий, который ведет к сохранению избыточной занятости и относительно

низкого уровня открытой безработицы. Непонятной, однако, остается подозрительная склонность российских тружеников часто менять место работы, переходя с одного стагнирующего предприятия со стабильной занятостью на другое без существенного выигрыша в зарплате.

Вторая гипотеза, предложенная **Ричардом Лэйардом** и принятая ОЭСР, состоит в том, что структурная перестройка в России все-таки идет, причем благодаря высокой мобильности рабочей силы и гибкости рынка труда она не сопровождается высокой безработицей. Россия, таким образом, показывает пример успешной реструктуризации без массовой безработицы, подготавливающей почву для "экономического чуда". С таким оптимистичным толкованием, однако, вряд ли согласится большинство экономистов - "чуда" на горизонте пока не видно.

Третье объяснение дает **Гай Стэндинг** из Международной организации труда, утверждающий, что издержки российской структурной перестройки принимают форму не только открытой безработицы, но и скрытой (неоплачиваемые отпуска, остановки производства и т. п.) и связаны не с недостаточностью, а с чрезмерной гибкостью рынка труда, ведущей к декавалификации рабочих и препятствующей инвестициям. Вывод из такого объяснения - ортодоксальная модель либерализации рынков труда в России не работает.

С последним утверждением трудно не согласиться, но эта гипотеза все же не ухватывает ключевое связующее звено между высокой и на первый взгляд бессмысленной мобильностью рабочей силы и отсутствием структурной перестройки. Это звено - вторичная занятость в "серой" и теневой экономике, которая приобрела у нас уникальные масштабы.

В итоге получается четвертая и, похоже, более других согласующаяся с фактами трактовка загадки российского рынка труда. Переход рабочих с места на место диктуется не зарплатой, которая часто одна и та же, а возможностями побочных незарплатных заработков, составляющих сегодня свыше половины всех легальных личных доходов. Доля зарплаты в денежных доходах населения сократилась с 74% в 1990 году до 36-43% в 1995-1997 гг. Из-за этого отношение средней зарплаты к ВВП на душу населения, составляющее в других странах порядка 100% (поскольку доля фонда оплаты труда в ВВП - 60-70% - примерно соответствует доле занятых в численности населения), в России едва достигло 60% (см. таблицу).

Понятно, почему доля зарплаты в доходах упала у нас до такого низкого уровня - не потому, что у нас все сплошь стали бизнесменами, а потому, что предприниматели старались избежать и успешно избегали уплаты отчислений в фонды социального страхования и (до 1996 года) налогов на превышение средней зарплаты. Между тем побочным и, в общем, неожиданным результатом такой "налоговой оптимизации" стала высокая вторичная занятость и мобильность рабочей силы в поисках не столько доходных, сколько удобных мест. Люди переходили на другую работу с той же зарплатой, но получали больше свободного

времени для вторичной занятости, или вообще никуда не переходили, а только переоформляли бумаги. Когда вторичные доходы начинали перевешивать первичные, требования к основному месту работы формулировались более жестко (становилось небезразлично, где держать трудовую книжку) и часто заставляли отказываться от первичной занятости в пользу вторичной.

Кроме того, есть еще и доходы теневой экономики, вообще не регистрируемые статистикой, - доходы челноков, рэкетиров и прочих лиц "вольных профессий": формально все они где-то работают (держат трудовую книжку, чтобы шел трудовой стаж), но часто переходят с места на место, если это диктуется потребностями вторичной занятости, более важной для них, нежели первичная.

В пользу последней трактовки свидетельствует и то обстоятельство, что в оборот рабочей силы вовлечены в первую очередь неквалифицированные кадры, тогда как основная часть избыточной занятости приходится на квалифицированных рабочих. Мобильность последних сдерживается опасениями не найти достойную их квалификации работу, боязнь потерять свой, хоть и пошатнувшийся социальный статус.

Таким образом, получается, что и на рынке труда мы имеем нетрадиционную, если не сказать извращенную, реакцию на либерализацию. Подобно тому как предприятия приспособляются к рыночным условиям, переходя на бартер и неплатежи, рынок труда отвечает резким увеличением мобильности рабочей силы, связанной с уклонением от налогов, а не с целенаправленной и контролируемой структурной перестройкой производства. Опять российский пример заставляет переосмысливать прописные истины экономических учебников. Не исключено, однако, что высокая, хотя и нетрадиционная по мотивам и результатам мобильность отечественной рабочей силы имеет и свои положительные следствия. Она формирует психологическую готовность к смене рабочего места, без чего невозможно создание гибкого рынка труда.

[ВВП на душу населения и средняя зарплата в обрабатывающей промышленности](#)

© Эксперт, #15 от 19.04.1999

Эксперт, 1999

[оглавление](#)

ВВП на душу населения и средняя зарплата в обрабатывающей промышленности, 1996 г.

Страна	Среднемесячная зарплата (долл. в месяц)*	Среднемесячный ВВП на душу населения (долл. в месяц)	Отношение зарплат к ВВП на душу населения,
---------------	---	---	---

			%
Польша	308	300	103
Болгария	132**	130	102
Румыния	106	120	88
Венгрия	286	330	87
Словения (1994 г.)	500	528	87
Словакия	251**	300	84
Чехия	306	370	83
Россия	150	250	60
США (справочно)	2281	2304	99

**До выплаты налогов и взносов работающих в социальные фонды.*

***Во всей промышленности.*

Источники: Transition Report 1996, EBRD 1996; World Development Indicators 1996, World Bank 1998; PlanEcon.

